

Научная статья

УДК 347.963:340.16

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).566-574

EDN QSJIMD

Об особенностях практики применения мер пресечения в период деятельности А.В. Колчака: историко-правовой анализ

Илья Андреевич Чигвинцев

Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

ilya1234qwer@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-6835-8742>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей практики применения мер пресечения в период деятельности правительства А.В. Колчака (1918–1920 годы) на территории Сибири. Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью правовых институтов антибольшевистских правительств в историко-правовой науке. На основе анализа архивных материалов Государственного архива Иркутской области, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, рассматриваются особенности реализации дореволюционного Устава уголовного судопроизводства 1864 года в экстремальных условиях Гражданской войны.

Особое внимание уделяется проблеме участия защитника при решении вопросов об избрании и изменении меры пресечения. На примере конфиденциальной переписки прокурорских работников выявляется существование устойчивой практики допуска адвокатов на стадии предварительного следствия вопреки формальному законодательному запрету, что свидетельствует о стихийном формировании элементов состязательности. Анализируются мотивы последующего запрета такой практики, связанные с необходимостью пресечения коррупционных факторов.

Исследуется дифференцированный подход к применению мер пресечения в отношении китайских подданных, обусловленный отсутствием экстрадиционных соглашений и культурно-правовыми особенностями восприятия института залога как «откупа от суда». Рассматриваются циркуляры Министерства юстиции, направленные на ограничение практики необоснованных арестов и требующие от следователей индивидуального подхода вместо автоматического применения меры заключения под стражу.

Отдельное внимание уделяется деятельности прокурорского надзора по выявлению фактов содержания лиц под стражей без законных оснований, а также функционированию параллельных военных структур, действовавших вне правового поля. Делается вывод о сложном, противоречивом характере правоприменительной практики исследуемого периода, в которой сочетались стремление к сохранению законности и неизбежные в условиях военного времени отступления от нее, что существенно расширяет научные представления о функционировании судебной-следственной системы на территории антибольшевистских правительств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

меры пресечения, А.В. Колчак, уголовный процесс, защитник, предварительное следствие, Устав уголовного судопроизводства

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Чигвинцев И.А. Об особенностях практики применения мер пресечения в период деятельности А.В. Колчака: историко-правовой анализ / И.А. Чигвинцев. — DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).566-574. EDN QSJIMD // Академический юридический журнал. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 566–574.

Original article

The practice of implementing the institute of preventive measures during the period of A.V. Kolchak's activities: historical and legal analysis

Ilya A. Chigvintsev

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

ilya1234qwer@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-6835-8742>

ABSTRACT

The article examines the specific features of the practice of applying preventive measures during the period of the government of A.V. Kolchak (1918–1920) in Siberia. The relevance of the topic is due to the insufficient study of the legal institutions of anti-Bolshevik governments in historical and legal scholarship. Based on the

© Чигвинцев И.А., 2026

analysis of archival materials from the State Archive of Irkutsk Oblast, a significant part of which is introduced into scholarly circulation for the first time, the article examines the features of implementing the pre-revolutionary Charter of Criminal Procedure of 1864 under the extreme conditions of the Civil War.

Special attention is paid to the issue of defense counsel participation in deciding matters related to the selection and change of preventive measures. Using the example of confidential correspondence among prosecutorial officials, the existence of a established practice of allowing lawyers into the pre-trial investigation stage, contrary to the formal legislative prohibition, is revealed. This indicates the spontaneous formation of elements of adversarial proceedings. The motives for the subsequent prohibition of such practice, associated with the need to suppress corruption rumors, are analyzed.

The article explores the differentiated approach to applying preventive measures to Chinese subjects, conditioned by the lack of extradition agreements and the cultural-legal perception of the bail institution as a “redemption from court”. It examines circulars from the Ministry of Justice aimed at limiting the practice of unjustified arrests and requiring investigators to adopt an individual approach instead of automatically applying detention.

Special attention is given to the activities of prosecutorial supervision in identifying instances of persons being held in custody without legal grounds, as well as the functioning of parallel military structures operating outside the legal framework. The conclusion is drawn about the complex and contradictory nature of law enforcement practice, which combined the desire to maintain legality with inevitable wartime deviations from it. This significantly expands scholarly understanding of the functioning of the judicial and investigative system within the territory of anti-Bolshevik governments.

KEYWORDS

preventive measures, A.V. Kolchak, criminal procedure, defender, preliminary investigation, Charter of Criminal Procedure, Civil War, historical and legal analysis

FOR CITATION

Chigvintsev I.A. The practice of implementing the institute of preventive measures during the period of A.V. Kolchak's activities: historical and legal analysis. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2026;27(3):566–574. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(3).566-574. EDN: QSJMD.

Введение

Исследование правовых институтов периода Гражданской войны на территории Сибири представляет особый научный интерес прежде всего по причине сравнительно небольшого количества научных работ, посвященных данному периоду отечественной истории. Историко-правовой анализ переходных эпох, каковым, безусловно, являлся период 1917–1922 годов, позволяет не только реконструировать прошлое, но и выявить закономерности функционирования государственных институтов в условиях системного кризиса, социальной турбулентности и военного противостояния.

Справедливым будет согласиться с позицией В.В. Игнатенко по вопросу отечественной правовой историографии Сибири, что в ней «... насчитывается очень мало научных работ, посвященных деятельности прокурорского надзора и института судебных следователей в Иркутской губернии и в других регионах Сибири» [1, с. 532]. Данное обстоятельство объясняется длительным доминированием в советской историографии идеологизированных подходов, когда история антибольшевистских правительств рассматривалась преимущественно сквозь призму концепции «белого террора» без должного внимания к их правотворческой и правоприменительной деятельности. Лишь в постсоветский период исследователи получили возможность объективного,

непредвзятого изучения сложных и противоречивых процессов государственного строительства на территориях, находившихся под контролем антибольшевистских сил.

Институт мер пресечения в период деятельности правительства А.В. Колчака представляет собой малоизученный аспект историко-правовой науки. Между тем обращение к данной проблематике позволяет существенно расширить представления о реальном функционировании судебно-следственной системы в экстремальных условиях, о соотношении законодательных установлений и повседневной правоприменительной практики, о степени гарантированности прав личности даже в обстановке военного времени. Особую значимость приобретает вопрос о том, насколько дореволюционное законодательство, формально сохранявшее силу на территории «белой» Сибири, адаптировалось к новым историческим реалиям, и каким образом правоприменители интерпретировали его положения.

Отдельные исследования сосредоточены на вопросах применения заключения под стражу, освещаая проблему роста количества лиц, находящихся под стражей, в том числе по причине борьбы с политическими оппонентами режима А.В. Колчака [2, с. 280]. Действительно, одним из характерных явлений того времени стало переполнение тюрем, что было обусловлено как активизацией репрессивной политики, так и общим

ростом преступности в условиях социально-экономического хаоса, дезорганизации правоохранительной системы и массовой миграции населения. Например, в исследовании С.П. Звягина приводятся важные архивные сведения об освобождении лиц из-под стражи следственными комиссиями по различным основаниям, что свидетельствует о наличии определенных правовых механизмов, способных если не предотвратить, то хотя бы частично скорректировать необоснованные аресты [3, с. 256–258]. Данный аспект принципиально важен, поскольку он опровергает упрощенные представления о тотальном беззаконии и произволе, демонстрируя, что даже в условиях Гражданской войны сохранялись элементы правовой процедуры и институты, призванные контролировать законность содержания под стражей.

Вместе с тем до настоящего момента правовым аспектам применения мер пресечения не уделялось достаточного внимания в историко-правовой литературе. Исследователи, как правило, концентрируются либо на общих вопросах организации судебной системы, либо на наиболее резонансных политических процессах, оставляя в тени повседневную, рутинную работу следственных и прокурорских органов по избранию и изменению мер пресечения в отношении широкого круга обвиняемых.

Правовое регулирование института мер пресечения

Правовое регулирование института мер пресечения в рассматриваемый период опиралось на фундаментальные принципы, заложенные судебной реформой 1864 года, которая создала принципиально новую для России модель уголовного судопроизводства, основанную на началах состязательности, гласности и независимости суда. Исследование практики его реализации в условиях Гражданской войны позволяет выявить особенности функционирования правовых институтов в экстремальных социально-политических условиях, проследить, как внешние факторы (военные действия, экономическая разруха, политическая нестабильность) трансформировали применение законодательных норм, адаптируя их к суровым реалиям военного времени.

К моменту начала Гражданской войны именно Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС, Устав), утвержденный еще в 1864 году и ставший подлинным памятником российской юридической мысли, регламентировал порядок применения мер пресечения. Этот документ,

созданный лучшими правоведами своего времени под влиянием передовых европейских образцов, воплотил в себе принципиально новые для российской правовой системы подходы к защите прав личности в уголовном процессе.

Исследователи отмечают, что с принятием Устава институт мер пресечения стал более демократичным по сравнению с ранее действующей системой [4, с. 21]. Это проявилось как в расширении перечня возможных мер, так и во введении судебного контроля за их применением, что должно было ограничить произвол следственных органов и обеспечить большую защищенность обвиняемых от необоснованного лишения свободы. Ранее действующие Своды законов Российской Империи 1832 года и 1857 года закрепляли следующую систему мер пресечения: содержание в тюрьме или при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдачу на поруки. «Однако данная система оказалась неэффективной, так как не способствовала достижению поставленных целей, и из всех мер в основном применялось только содержание в тюрьме» [5, с. 165]. Преобладание наиболее суровой меры – заключения под стражу – было следствием не только карательной направленности дореформенного процесса, но и слабой разработанности альтернативных мер, отсутствия надежных механизмов контроля за лицами, оставленными на свободе.

Новая система мер пресечения была существенно пересмотрена разработчиками судебных уставов, стремившимися создать гибкий и дифференцированный инструментарий, позволяющий следователю и суду избирать именно ту меру, которая в наибольшей степени соответствует тяжести обвинения, личности обвиняемого и обстоятельствам дела. Статья 416 Устава предусматривала, что для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия принимаются следующие меры: «1) отобрание вида на жительство или obligation их подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест и 6) взятие под стражу»¹. Как видим, законодатель выстроил определенную иерархию мер – от наименее обременительных для обвиняемого до наиболее строгих, что предполагало необходимость обоснования применения каждой последующей меры невозможностью достижения целей пресечения с помощью более мягких.

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Санкт-Петербург: Гос. канцелярия, 1866. Ч. II. С. 152.

Были предусмотрены изменения порядка избрания меры пресечения, призванные усилить гарантии прав личности. Задержанный мог обжаловать постановление следователя о заключении под стражу в окружной суд (статья 496 УУС), и перед тем, как вынести определение, суд заслушивал заключение прокурора (статья 505 УУС)². Участие прокурора в этом процессе должно было обеспечить дополнительный контроль за законностью и обоснованностью лишения свободы, поскольку прокурорский надзор рассматривался как важный элемент системы сдержек и противовесов в уголовном судопроизводстве.

При этом, несмотря на несомненную прогрессивность изменений института мер пресечения по сравнению с дореформенным законодательством, правовое регулирование все еще существенно ограничивало права лиц, в отношении которых избирались меры пресечения, с точки зрения современных представлений о правах человека и стандартах справедливого правосудия. Эти ограничения были имманентны самой модели уголовного процесса, сложившейся в пореформенной России и сочетавшей элементы состязательности на судебных стадиях с сохранением розыскных начал на предварительном следствии.

Одним из обстоятельств, позволяющих говорить о суровости системы «мер пресечения» дореволюционной России, является отсутствие возможности участия защитника на стадии предварительного следствия [6, с. 74], в том числе при рассмотрении вопроса об обжаловании решения об избрании или изменении меры пресечения. Законодатель исходил из того, что допуск адвоката на ранние стадии процесса может воспрепятствовать установлению истины, позволить обвиняемому уничтожить следы преступления или оказать давление на свидетелей. Однако такая позиция оставляла обвиняемого один на один с мощным карательным аппаратом, лишая его квалифицированной юридической помощи в наиболее уязвимый период — сразу после задержания и начала следствия.

Специалист в области уголовно-процессуального права, профессор И.Л. Петрухин отмечал, что «на практике защитники, как правило, не участвовали в рассмотрении жалоб судом» [7, с. 137]. Это означало, что даже формально предоставленное право обжалования заключения под стражу реализовывалось обви-

няемым самостоятельно, без помощи профессионала, что существенно снижало эффективность данного правового механизма. При этом научные исследования, посвященные вопросам реализации «мер пресечения», не содержат практических примеров участия защитников в указанной категории дел, что косвенно подтверждает тезис об отсутствии такой практики.

Отчасти подтверждением фактов неучастия защитника может служить и мнение профессора А.А. Жижиленко, который, характеризуя Судебные уставы времен судебной реформы, писал: «Судебные уставы до сих пор не знают состязательного начала в процессе предания суду, по-прежнему он покоится на розыском принципе» [8, с. 73]. Данное замечание указывает на внутреннюю противоречивость судебной реформы: провозгласив состязательность в судебном разбирательстве, она сохранила розыскной, инквизиционный характер предварительного следствия и предания суду, где обвиняемый выступал не как равноправный участник процесса, а как объект исследования.

Невозможность участия защитника на досудебных стадиях процесса должна расцениваться как существенное ограничение в процессуальных правах [9, с. 48], особенно с учетом провозглашенного Уставами принципа состязательности как одного из фундаментальных начал нового судопроизводства. Этот диссонанс между провозглашенными принципами и реальными процессуальными механизмами создавал питательную среду для произвола и злоупотреблений, что в полной мере проявилось в экстремальных условиях Гражданской войны, когда и без того ограниченные гарантии прав личности подверглись дополнительной эрозии.

Практика применения мер пресечения

Ввиду этого особую историко-правовую ценность представляет собой документы, раскрывающие некоторые важные аспекты практической реализации мер пресечения, в том числе заключения под стражу, и позволяют увидеть, как теоретические положения закона преломлялись в повседневной деятельности правоприменительных органов. Изучение подобных документов дает возможность оценить работу следственных и прокурорских органов, понять реальные механизмы принятия решений, мотивацию участников процесса.

В качестве репрезентативного источника следует рассмотреть конфиденциальное письмо прокурора Иркутской судебной палаты, направ-

² Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Санкт-Петербург: Гос. канцелярия, 1866. Ч. II. С. 180, 185.

ленное в адрес прокурора Иркутского окружного суда. Письмо датировано 1 декабря 1919 года — периодом, когда правительство Колчака уже испытывало серьезные военно-политические трудности, приближался его крах, однако судебная система продолжала функционировать, пытаясь сохранить правопорядок в условиях нарастающего хаоса.

Обращаясь к прокурору Иркутского окружного суда, прокурор Иркутской судебной палаты писал: «Мне уже неоднократно приходилось беседовать с Вами по поводу допущения прокурорским надзором Иркутского окружного суда (единственного в округе Палаты) участия адвокатов в делах в стадии предварительного следствия. Находя такое участие неправильным с формальной стороны, я хотя и обращал Ваше внимание на это обстоятельство, но временно воздерживался от категорических указаний, так как Вы сообщали, что установленный порядок не имеет каких-либо нежелательных последствий.

В настоящее же время до меня начали доходить негласные сведения о том, что некоторые адвокаты за ходатайство об избрании меры пресечения берут большие гонорары, что был один случай, когда такой гонорар получен даже тогда, когда предложение об освобождении дано прокурорским надзором по собственной инициативе при отсутствии каких-либо ходатайств, что один адвокат, пользуясь своим положением в военном ведомстве, посещая тюрьму, подыскивает себе клиентов и т.п. Если даже сведения не соответствуют действительности, то одна возможность подобных слухов крайне нежелательна, так как они порождают недоумение по поводу причины нарушения прокурорским надзором действующего законного порядка.

Что же касается пользы от участия адвокатуры в разрешении указанных вопросов, то при надлежащем отношении чинов прокурорского надзора к своим обязанностям необходимо признать эту пользу ничтожной, так как при внимательном и отзывчивом отношении к интересам просителей какое-либо посредничество совершенно излишне.

Сообщая об изложенном,ставляю Вас в известность о необходимости соблюдения как Вами лично, так и товарищами прокурора правила о недопустимости участия в делах адвокатуры в стадии предварительного следствия, во исполнение чего надлежит отказываться от беседы с ними по этим вопросам и возвращать поданными ими от своего имени (по договоренности) прошения, причем конечно в случаях помещения в последних имею-

щих значение сведений, они могут и должны быть использованы, но лишь в том же порядке, в котором используются всякие сведения, полученные от не участвующих в деле лиц»³.

Данный документ исключительно важен для понимания реальной правовой ситуации в регионе. Вместе с тем несмотря на тот факт, что действующее законодательство не предусматривало возможность участия защитника при решении вышеуказанных вопросов, правоприменительная практика на территории Иркутского окружного суда противоречила действующему закону. Это свидетельствует о том, что местные правоприменители осознавали потребность в квалифицированной юридической помощи для обвиняемых и, игнорируя формальные запреты, фактически допускали адвокатов к участию в деле на более ранних стадиях, чем это предусматривалось законом.

Из содержания письма прокурора Иркутской судебной палаты также следует, что участие защитника при решении вопроса о замене меры пресечения не было единичным фактом, а носило системный характер. Речь идет об устоявшейся практике, которая, судя по тону письма, продолжалась достаточно длительное время. При этом прокурору Иркутской судебной палаты уже было известно о данной сложившейся правоприменительной практике, но до определенного времени меры к пресечению действий нижестоящего прокурора не принимались, что можно рассматривать как молчаливое согласие высшего надзорного органа с таким отступлением от буквы закона.

По-нашему мнению, практику участия защитника на досудебных стадиях предварительного следствия следует оценить как реализацию принципа состязательности, пусть и в усеченной, неформальной форме. Показательно, что потребность в адвокате возникала именно при решении вопросов, связанных с мерой пресечения, — в наиболее чувствительной для обвиняемого сфере, когда решалась его судьба: оставаться на свободе или ожидать суда в тюремной камере. Фактически правоприменительная практика опережала законодательство, стихийно формируя более прогрессивные стандарты защиты прав личности.

Негативная оценка прокурором Иркутской судебной палаты участия защитника при изменении меры пресечения была высказана только после поступления неофициальной информации о том, что защитник получил вознаграждение при том, что прокурор не возражал против за-

³ Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 242. Оп. 1. Д. 104. Л. 40–40 об.

меры меры пресечения, т.е. до возникновения компрометирующих сведений данная практика прокурором не пресекалась. Этот нюанс крайне важен для понимания истинных мотивов последовавшего запрета: формально-юридические соображения (нарушение закона) отошли на второй план перед соображениями репутационными — необходимостью пресечь слухи, компрометирующие прокурорский надзор. Прокурор опасался не столько самого факта участия адвоката, сколько того, что это участие может быть связано с коррупцией и бросить тень на беспристрастность и некоррупционность прокурорских чинов.

Целесообразно выделить факт о том, что письмо было разослано со следующей визой: «Для сведения и исполнения товарищу прокурора по 1-му Иркутскому городскому участку»⁴, т.е. фактически письмо имело юридический характер.

В отношении отдельных категорий лиц существовал специальный правовой алгоритм при избрании и изменении мер пресечения, что указывает на дифференцированный подход в указанной сфере, обусловленный не только внутренними, но и международно-правовыми факторами. Особый интерес представляет регулирование применения мер пресечения к иностранцам, которое требовало учета не только внутригосударственного законодательства, но и международных договоров, а также политических последствий тех или иных решений.

Значимым представляется анализ письма Российской миссии в Пекине от 26 августа 1919 года, направленного в адрес Министерства иностранных дел по 4-му Политическому отделу. Этот документ ярко иллюстрирует, как вопросы применения мер пресечения выходили за сугубо процессуальные рамки и приобретали внешнеполитическое измерение.

«...(М)иссия уведомляет, что она не преминула переслать в консульство в Цицикаре всю переписку по делу об убийстве китайского подданного Вам-Пи-Фу и китайского подданного Тянь-Минь-Лай, для сообщения местным властям, поручив осведомить их о случившемся, не возбуждая, однако, вопроса о выдаче убийцы русскими властями, так как такое требование противоречило бы русско-китайским договорным постановлениям.

Вместе с тем миссия может лишь рекомендовать судебным властям не заменять впредь для китайских граждан, как то было в настоящем

деле, первоначально примененную меру пресечения — содержание под стражей — другой: уплатой залога, так как в случаях побега китайских граждан в Китай, нет возможности истребовать их выдачи для суда в России. Кроме того, выплата залога является в глазах китайцев откупом от суда, и, в виду сего, применению этой меры пресечения к ним лишь дискредитирует авторитет суда»⁵.

Данное письмо было направлено для исполнения прокурору Иркутского окружного суда; в нем указывалось на необходимость принять к сведению изложенную информацию при осуществлении наблюдения за принятыми мерами пресечения «в порядке статьи 284 УУС октября 6 дня 1919 года»⁶.

Обращает на себя внимание установление фактического запрета на замену меры пресечения в виде заключения под стражу залогом в отношении китайских граждан по двум причинам: во-первых, невозможность обеспечения уголовного преследования в случае побега обвиняемого на территорию Китая (отсутствие договора о выдаче); во-вторых, особое отношение китайцев к институту залога, воспринимаемому не как гарантия явки к следствию, а как «откуп от суда», что дискредитировало саму идею правосудия.

С точки зрения обеспечения законности и неотвратимости наказания запрет замены меры пресечения с содержания под стражей на залог видится вполне логичным и прагматичным.

Действительно, проблема китайской преступности носила системный характер на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, что подтверждается архивными материалами, содержащими постановления о заключении под стражей китайских подданных⁷.

Исследователи иностранной преступности отмечают, что в период, предшествующий Гражданской войне, судебные органы Восточной Сибири были более либеральными к китайским преступникам, что выражалось в назначении достаточно мягкого наказания [10, с. 66]. Это дает возможность высказать гипотезу об избрании более мягких видов мер пресечения в отношении данной категории граждан.

У китайских граждан, действительно, была возможность скрыться от правосудия на территории своего государства, и российские власти, не имея механизмов экстрадиции, оказывались бессильны обеспечить дальнейшее расследование

⁵ ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 104. Л. 36–36 об.

⁶ Там же. Л. 36.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 82. Л. 11, 23, 45.

⁴ ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 104. Л. 40–40 об.

и суд. Учет же культурно-правовых особенностей восприятия залога китайцами демонстрирует достаточно тонкое понимание национальной специфики и стремление избежать ситуаций, подрывающих авторитет судебной власти.

Указанную позицию по вопросу замены меры пресечения можно интерпретировать как попытку выработать единообразный подход в рамках действующего законодательства, которое не регулировало специально вопросы избрания меры пресечения в отношении иностранных граждан. Органы прокуратуры, столкнувшись с правовым вакуумом, вынуждены были заполнять его собственными административными решениями, фактически создавая прецедентное регулирование.

К недостаткам правового регулирования института залога можно отнести отсутствие законодательно установленной минимальной и максимальной сумм залога, что оставляло этот вопрос на усмотрение следователя и суда и порождало серьезные проблемы на практике. Профессор И.Я. Фойницкий, специалист в области уголовного процесса, так высказывался о практике определения суммы залога: «для одних и малая сумма была бы нереальна, для других и большая ничего не значила» [11, с. 371]. Это наблюдение точно схватывает ключевую проблему залога как меры пресечения: его эффективность напрямую зависит от имущественного положения обвиняемого, что ставит в неравное положение людей разного достатка и требует от правоприменителя тонкой индивидуализации при определении суммы.

Показательный факт: министром юстиции правительства А.В. Колчака 2 июля 1919 года был разослан Циркуляр председателям и прокурорам судебных мест. В документе указывалось, что «циркуляром Министерства Юстиции от 4 февраля 1917 года за № 5199 Председателям и Прокурорам судебных мест были даны указания, чтобы при производстве следствий мера пресечения обвиняемых в виде лишения свободы принималась лишь в случаях, когда не представляется возможности без вреда для интересов правосудия принятия какой-либо более легкой предупредительной меры».

Циркуляром от 4 апреля того года было предложено председателям и прокурорам судебных мест принять зависящие меры к пересмотру подлежащими судебными властями о принятии меры пресечения обвиняемым в виде лишения свободы с тем, чтобы содержание под стражей было сохранено лишь в таких исключительных случаях, когда эта мера вызывается настоятель-

ной и крайней необходимостью оградить интересы правосудия.

«Имея в виду, что по имеющимся в Министерстве Юстиции сведениям, судебные следователи при производстве предварительных следствий принимают нередко против обвиняемых меру пресечения соединенную с лишением свободы, по таким делам по которым было бы возможно избежать столь стеснительной меры, руководствуясь лишь тяжестью угрожающему обвиняемому наказанию, я счел своевременным подтвердить гг. Председателям и Прокурорам судебных мест о необходимости соблюдения судебными требований приведенных циркуляров за № № 5199 и 1127»⁸.

Данный циркуляр чрезвычайно важен для понимания правовой политики колчаковского правительства. Во-первых, он подтверждает преемственность в отношении законодательства и ведомственных актов Временного правительства (циркуляры февраля – апреля 1917 года). Во-вторых, он констатирует наличие устойчивой негативной практики: следователи продолжали арестовывать обвиняемых, руководствуясь исключительно тяжестью предъявленного обвинения, игнорируя требование закона об индивидуальном подходе и необходимости обоснования невозможности применения более мягких мер. В-третьих, министр юстиции, осознавая бесполезность простого напоминания, все же пытается воздействовать на правоприменителей путем повторного подтверждения ранее данных указаний, что свидетельствует об ограниченности административных рычагов в условиях военного времени.

Вместе с тем для получения целостной картины необходимо констатировать наличие параллельных структур, действовавших вне правового поля и существенно искажавших общую картину правоприменения. Наряду с органами власти, которые действовали на основании закона, существовали органы и формирования, действия которых находились вне какого-либо правового регулирования и фактически были подчинены логике военного времени и личной произвольной власти командиров.

Например, прокурор Пограничного окружного суда в представлении от 19 октября 1918 года указывал на факт существования военных организаций, которые выполняли функции военно-полевых судов, контрразведки, следственных органов. Так, отряд атамана Семенова производил арест лиц, после чего направлял их для содержа-

⁸ ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 104. Л. 15–15 об.

ния под стражей на основании постановлений лиц, входящих в данный отряд⁹.

Имелись также факты нахождения лиц в местах принудительного содержания вообще без каких-либо правовых оснований. Например, прокурор Пограничного окружного суда в представлении от 19 мая 1919 года указывал, что в арестном доме на станции Маньчжурия содержались три большевика без соответствующих постановлений¹⁰.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сложном и противоречивом характере практики применения мер пресечения в период функционирования правительства А.В. Колчака. Выявленная картина далека как от идеализированных представлений о неукоснительном соблюдении законности, так и от упрощенных концепций тотального произвола и беззакония. Формально сохранялась законодательная база, унаследованная от дореволюционной России и существенно ограничивающая права обвиняемых, особенно в части отсутствия защитника на предварительном следствии и сохранения розыскных начал в досудебном производстве.

При этом, с одной стороны, действующее законодательство не предполагало возможность участия защитника на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, с другой же, на местах складывалась практика, в определенной степени компенсировавшая эти ограничения. Выявленные нами случаи систематического допуска адвокатов к решению вопросов о мере пресечения в Иркутском окружном суде, продолжавшегося, несмотря на его формальную незаконность, до возникновения коррупционных скандалов, является уникальным свидетельством того, что правовая жизнь может быть богаче и разнообразнее, чем это предписывается законом. Потребность в квалифицированной юридической помощи на ранних этапах процесса осознавалась и правоприменителями, и самими обвиняемыми, что приводило к формированию обыкновений, опережавших законодательство.

В ходе исследования выявлен дифференцированный подход к применению мер пресечения в отношении различных категорий лиц, обусловленный как международно-правовыми отношениями, так и культурно-правовыми особенностями. Пример с китайскими подданными

демонстрирует, что в условиях отсутствия экстрадиционных соглашений и наличия культурных различий в восприятии правовых институтов правоприменитель вынужден был адаптировать общие нормы, создавая специальные правила для отдельных категорий иностранцев, фактически осуществляя правотворчество на уровне ведомственного регулирования.

Политика министерства юстиции, насколько можно судить по циркуляру от 2 июля 1919 года, была направлена на гуманизацию практики применения мер пресечения и соблюдение принципа соразмерности, требовала от следователей не руководствоваться автоматически тяжестью обвинения, а каждый раз оценивать реальную необходимость изоляции обвиняемого от общества. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, эта политика не всегда последовательно реализовывалась на местах, наталкиваясь как на инерцию правоприменительного мышления, так и на объективные условия военного времени, подталкивавшие к ужесточению репрессий.

Особого внимания заслуживает деятельность прокурорского надзора, который, несмотря на все трудности, пытался выполнять свою функцию по надзору за законностью содержания под стражей, фиксировал случаи незаконных арестов и содержания в местах лишения свободы без судебных постановлений, доводил эту информацию до вышестоящего руководства. Безусловно, эффективность этого надзора была ограниченной, особенно в отношении параллельных военных структур, но сам факт его существования и попыток реализации в условиях Гражданской войны имеет большое значение для понимания природы правовой системы антибольшевистских правительств.

Таким образом, изучение практики применения мер пресечения в период правления А.В. Колчака позволяет сделать вывод о сложном, мозаичном характере правовой действительности того времени, в которой переплетались и противоборствовали тенденции к сохранению законности, опиравшейся на дореволюционное законодательство, и тенденции к внеправовому насилию, порожденному логикой Гражданской войны. В этом противостоянии прокурорские и судебные органы, при всех их недостатках и ограниченности возможностей, выступали носителями идеи правового порядка, пытаясь удержать распадающуюся государственность в рамках хотя бы минимальной законности. Дальнейшее изучение архивных материалов позволит существенно расширить и уточнить наши представления об этом драматическом периоде истории российского права.

⁹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 40. Л. 5–5 об.

¹⁰ Там же. Л. 34.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Игнатенко В.В. Судебная реформа в Сибири и деятельность пореформенных судов в Иркутской губернии в зеркале отечественной правовой историографии / В.В. Игнатенко. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(4).527-538. — EDN DIJARJ // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 527–538.
2. Голуб П.А. Белый террор в России (1918–1920) / П.А. Голуб. — Москва : Патриот, 2006. — 479 с.
3. Звягин С.П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России (1918–1922 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 12.00.01 / С.П. Звягин. — Кемерово, 2003. — 268 с. — EDN NMLAAX.
4. Андроник Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Андроник. — Екатеринбург, 2022. — 233 с. — EDN MLYRFT.
5. Хачатуров А.Л. История становления и развития в уголовном судопроизводстве залога как меры пресечения / А.Л. Хачатуров. — DOI 10.18411/trnio-03-2023-160. — EDN HUKSYL // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 95-3. — С. 163–167.
6. Деревскова В.М. Прокуратура Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. (историко-правовое исследование) / В.М. Деревскова. — Иркутск : Изд-во Иркут. юрид. ин-та (филиал) Ун-та РФ, 2024. — 172 с. — EDN IQFCLB.
7. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. — Москва : Наука, 1989. — 256 с.
8. Жижиленко А.А. Общий очерк движения уголовно-процессуального законодательства после 1864 г. / А.А. Жижиленко // Суд и права личности : сб. статей / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. — Москва, 2005. — С. 65–80.
9. Герасимова Т.Ю. Проблемы реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.Ю. Герасимова. — Краснодар, 2017. — 212 с.
10. Синиченко В.В. Особенности правоприменения в делах с иностранным участием (на основе судебных уставов 1864 г.) / В.В. Синиченко. — EDN TEDOVN // Сибирский юридический вестник. — 2014. — № 4 (67). — С. 62–67.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — Т. 1. — 607 с.

REFERENCES

1. Ignatenko V.V. Judicial Reform in Siberia and the Activities of Post-Reform Courts in the Irkutsk Province in the Mirror of Russian Legal Historiography. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2024, vol. 25, no. 4, pp. 527–538. (In Russian). EDN: DIJARJ. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(4).527-538.
2. Golub P.A. *White Terror in Russia (1918–1920)*. Moscow, Patriot Publ., 2006. 479 p.
3. Zvyagin S.P. *Formation and Implementation of the Law-Enforcement Policy of Anti-Bolshevik Governments in the Russian East of Russia (1918–1922)*. *Doct. Diss.* Kemerovo, 2003. 268 p. EDN: NMLAAX.
4. Andronik N.A. *Preventive measures chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies: problems of law enforcement and legislative regulation*. *Cand. Diss.* Ekaterinburg, 2022. 233 p. EDN: MLYRFT.
5. Khachaturov A.L. *The history of the formation and development of bail in criminal proceedings as a preventive measure. Trends in the development of science and education*, 2023, no. 95-3, pp. 163–167. (In Russian). EDN: HUKSYL. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-160.
6. Deravskova V.M. The Prosecutor's Office of the Russian Empire in the Second Half of the 19th — Early 20th Century (Historical and Legal Research). *Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ.*, 2024. 172 p. EDN: IQFCLB.
7. Petrukhin I.L. *Personal integrity and coercion in criminal proceedings*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 256 p.
8. Zhizhilenko A.A. General outline of the movement of criminal procedure legislation after 1864. In Davydov N.V., Polyanski N.N. (eds). *Court and individual rights*. Moscow, 2005, pp. 65–80. (In Russian).
9. Gerasimova T.Yu. *Problems of implementation of the principle of competition at the pre-trial stages of the criminal process*. *Cand. Diss.* Krasnodar, 2017. 212 p.
10. Sinichenko V.V. Peculiarities of Law Enforcement in Dealing with Foreign Participation (Based on the Legal Statutes of 1864). *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2014, no. 4, pp. 62–67. (In Russian). EDN: TEDOVN.
11. Foinitskii I.Ya. *Criminal Justice Course*. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996. vol. 1. 607 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Андреевич Чигвинцев — аспирант. Университет прокуратуры Российской Федерации. 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1. Researcher ID: LSK-6617-2024; Scopus ID: 57195829832; SPIN-код: 5222-9274.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Chigvintsev — postgraduate student. University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2 Azovskaya Str., bldg. 1, Moscow, 117638, Russia. Researcher ID: LSK-6617-2024; Scopus ID: 57195829832; SPIN-code: 5222-9274.

Поступила в редакцию / Received 11.03.2026

Доработана после рецензирования / Revised 28.05.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026